

павел волчик

ГОЛОСА
ДРУГОЙ
ПЛАНЕТЫ

фантастика для
реалистов

Павел Волчик

Голоса другой планеты

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=44556293

ISBN 9785005040916

Аннотация

У фантастики множество голосов, галактика имён, вселенная историй. Моя крохотная планета родилась недавно. Она моложе великих светил, но ещё растёт. Её не просто найти на звёздной карте, но если ты подлетишь ближе, она тебя удивит. Не метеоритными кольцами, не безумным свечением, не взрывами, не технологиями – только одним: ты сможешь на ней жить. В сборник вошли: рассказы «Голоса другой планеты» и «Скиталец», а также полюбившиеся читателям повести «Ия», «Плато Ветров».

Содержание

Предисловие	5
Спасибо	7
Голоса другой планеты	8
Плато Ветров	31
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Голоса другой планеты

Павел Волчик

© Павел Волчик, 2019

ISBN 978-5-0050-4091-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие

Когда-нибудь, я проснусь далеко от Земли. Родная планета покажется мне древностью, вроде египетской пирамиды или истуканов с острова Пасхи. Я буду носить лёгкую одежду и есть пищу, которая хранится столетиями. Я буду жить, скитаясь между мирами, то плавая в невесомости, то тяжело ступая по чужому песку. Я буду беседовать с роботами, и звёздные россыпи перестанут меня удивлять.

Но сейчас, здесь, на Земле, меня волнуют не далёкие фантазии, а люди, которые меня окружают. Мои родители, дочь и жена, коллеги, ученики и знакомые. Мне интересно, что бы было, если бы мы существовали в других обстоятельствах, в другом времени, но при этом оставались собой.

Думаю, туда мы взяли бы свои страсти. Они, как хвосты ледяных комет, повсюду следуют за нами. Они заставляют нас искать счастье и совершать ошибки. А голос разума кричит: «Эй, ты, вернись на землю! Хватит парить в облаках».

Фантастика – предположение, догадка, иногда просто меткая метафора. Убери её из текста и останется знакомый мир, те же действия, те же персонажи, только лишённые загадочных декораций.

Не знаю, как для вас, но для меня отбросить фантастическое допущение, значит лишит историю особого очарования. Даже слово «планета», которое объединяет пару пове-

стей и два рассказа в этой книге, не просто слово, а целый образ. Открытая или неизвестная, своя или чужая, она манит к себе, зовёт: неясным сигналом из глубин космоса, призрачным светом или голосом. Голосом иного существа, которое одновременно пугает нас и притягивает. Голосом другой планеты, которая, и мир, и небесное тело, и человек.

Спасибо

Родителям, за то, что они подсовывали мне в детстве интересные книги.

Писателям, создавшим эти книги: Киру Булычёву, Ивану Ефремову, Айзеку Азимову, Рэю Брэдбери, Герберту Уэллсу.

Девушке по имени Ия, которая заказала по почте книгу неизвестного автора с названием «Ия» и полюбила её.

Ксюше Волчик, которая переживает за моих героев, как будто они живые.

Елене Скавидис, которая верит, что всё получится.

Кате Оаро, которая учит меня любить свои тексты и заботиться о них.

Наталье Богоявленской, которая не боится моих ошибок.

Голоса другой планеты

К двадцати пяти годам Ари повидал много стран и земель. С детства он ходил с отцом, никому не известным путешественником, на баркасе «Черноклювая гагарка» по морям и океанам. Именно там он, подражая отцу, начал вести свой первый дневник наблюдений.

«...Для многих людей новые страны – свежий глоток воздуха. У меня всё вверх дном: оставаться длительное время на одном месте непривычно...»

Кажется, он пропустил половину занятий в школе, и в старших классах учителя начали делать вид, будто не узнают его.

Обучение в академии свободных искусств стало для Ари самой долгой песней. Отец серьёзно заболел, судно пришлось продать. Жизнь потекла, как мазут из крана, медленно и скучно. Ари дрейфовал на одном месте, и штиль, который его сверстникам казался явлением обычным, для него был глубоким потрясением.

Когда не стало отца, последняя надежда на прежнюю странническую жизнь рассеялась. Ари Андерсен стал бедным студентом, ничем не примечательным, если не считать веснушек, рыжих бровей и волос на голове.

«Однажды, совершая прогулку вдоль полок местной библиотеки, я пробежался глазами по ветхим переплётам, взял в руки одну книгу, полистал и вдруг с головой нырнул в солёные брызги букв и волны бумажных страниц...»

Теперь его путешествия по океану книг вместо детских заметок превратились в несколько оригинальных статей, посвящённых культурам разных народов. Статьи эти, впрочем, учёным советом академии были встречены с полным равнодушием.

Дабы хоть как-то сводить концы с концами, Ари был вынужден подрабатывать. Иногда он участвовал в качестве испытуемого в платных экспериментах. Студентов брали охотно.

Чаще всего он должен был ответить на ряд вопросов в анкете, затем слушал странные звуки или следил за разноцветными точками на экране, нажимая на кнопки.

В одном из экспериментов ему задавали вопросы по астрономии, просили нарисовать что-то на сенсорном экране, спрашивали подробности его жизни. За участие в неизвестных исследованиях Ари получил сумму, которую можно было потратить на два обеда в студенческой столовой, и скоро забыл о них.

Спустя примерно год, когда он уже решил забросить учёбу и отправиться бесцельно болтаться по свету, ему пришло

странное письмо с приглашением в обсерваторию некоего известного профессора-физика – Фруда Хансена.

«...Зачем я, со своими „свободными искусствами“, понадобился учёному с мировым именем, остаётся загадкой, но привычное чувство зовёт меня к путешествию по новым местам...»

Он с радостью принял приглашение, к тому же ему оплачивали проживание и дорогу до обсерватории.

Однако Ари ещё не представлял, что в буквальном смысле попадёт в настоящее болото...

По выходе из аэропорта его встретила девушка чуть старше его, мулатка с необыкновенно симметричным лицом, миндалевидными глазами и грозовым облаком кудрявых волос на голове. Она улыбнулась и протянула руку:

– Ари Андерсен судя по тестам, которые мы получили, вы даже понятия не имеете о такой науке, как астрономия.

Она с любопытством разглядывала его.

– Но это не так уж важно. Приличия ради должна вам, однако, рассказать кое-что о нашей семье. Мой отец занимается астрофизикой и астрометрией, в данный момент его прежде всего волнуют отдалённость и структура объекта N-13 – того самого, в исследовании которого вы можете помочь. Отец очень давно...

– Отец? – поднял свои рыжие брови молодой человек. – Фруд Хансен, вы имеете в виду?

Девушка кивнула и, несколько смутившись, добавила:

– Я забыла представиться. Меня зовут Эрида, похоже на...

– Название планеты, – ухмыльнулся Ари. – Не удивляйтесь, мои познания в астрономии всё так же скудны. Но я в курсе, что планеты называли именами греческих богов. Странно получается: ваш папа назвал вас в честь богини раздора, ссор и хаоса. Не лучшее имя для девочки...

Он не мог видеть по её смуглому лицу, покраснела она или нет, но губы у неё приоткрылись совсем как у ребёнка:

– Знания отца в области мифологии так же скудны, как и ваши в астрономии. Я думаю, он назвал меня в честь одной из малых планет солнечной системы, а не в честь греческой богини. Но если уж на то пошло, Эрида – ещё и богиня, породившая труд, а бездельничать мне как раз не свойственно...

– Понимаю, это непросто, когда твой отец астроном...

Молодой человек осёкся, потому что лицо её стало серьёзным и строгим.

– Как видите, наша семья посвятила свою жизнь этой сложной науке, мало что общего имеющей с обыденной реальностью. Если хотите знать, я никогда не была разочарована ни собственным именем, ни собственным отцом, ни делом, которое выбрала.

Она сказала это так естественно и вместе с тем с таким

достоинством, что насмешка исчезла с лица Ари. Девушка, едва касаясь земли, проплыла перед ним и направилась к выходу. Не глядя на собеседника, она продолжила рассказ ровным голосом:

– Моя область – космогония, наука о происхождении и эволюции небесных тел. Если я ещё не усыпила вас, то добавлю, что в наших исследованиях мне также помогает и генетика. В одной своей известной в научных кругах работе я выдвинула гипотезу о том, что появление некоторых новых планет подчиняется законам наследственности и изменчивости живых организмов...

Они дошли до автостоянки и сели в замызганный бурой грязью джип.

– К сожалению, – продолжила задумчиво Эрида, повернув ключ зажигания, – мои коллеги не восприняли эту идею всерьёз.

– Понимаю, – сказал молодой человек, поудобнее устраиваясь на сиденье. – Приходилось сталкиваться с чем-то подобным.

Она сильным движением крутанула руль и коротко взглянула на него:

– Приходилось? Думаете, что трудились напрасно? Ваши статьи прочли. Это одна из причин, почему вы тут. Профессору понравились некоторые ваши идеи.

Ари только недоверчиво фыркнул в ответ.

Они ехали долго. Настолько долго, что даже опытный путешественник не заметил, как уснул. Последнее, что он видел, это однообразная полоса тянущегося вдоль дороги елового леса.

Проснулся из-за хлопнувшей дверцы. Приоткрыл глаза и в жидком тумане увидел освещённую фарами фигуру Эриды: на голове грозное облако, в руке деревянный шест – и впрямь богиня с греческой фрески.

Он вышел наружу, поёжился. Девушка посмотрела на часы:

– Проснулись? Мы почти на месте...

Ари сделал ещё шаг и услышал плеск воды. Он сощурился и разглядел у берега узкую остроносую лодку.

В зарослях осоки надрывались лягушки, словно их было здесь тысячное войско. Коротким криком разрезал влажный воздух вальдшнеп.

Ари исподволь любовался профилем девушки, осторожно следил, как она уверенно толкает шестом лодку. Точность её движений говорила о том, что она немало времени проводит на здешних болотах.

Чем дальше они плыли, тем гуще становилась растительность, в некоторых местах кипарисы с изломанными ветками смыкали свои кроны у них над головой.

Молодой человек, развалясь на корме и всем своим видом изображая невозмутимость, наконец перестал чертить паль-

цами линии на воде и, перекрикивая лягушачий хор, признался:

– Я долго держусь, чтобы не задавать лишних вопросов, но даже моя логика не выдерживает таких противоречий. Не скрою, я удивлён тем, что меня пригласил такой известный учёный, поразительно, что ему в руки попали мои статьи, но когда я думаю о том, что обсерватория располагается посреди болота... Послушайте, даже такой невежда, как я, понимает, что следить за звёздным небом лучше с высокой горы в местности, где небо чисто от облаков...

Он нахмурил свои ржавые брови:

– Куда мы едем? На самом деле...

Эрида, видимо, ждала этого вопроса. Она вынула шест и положила вдоль борта, позволив слабому течению нести лодку. Лицо её оставалось спокойным, ровным, симметричным.

– Хотя вода хорошо разносит звуки, мы можем говорить открыто, потому что вокруг нас одни лягушки. Мы направляемся на секретную государственную станцию – плавучий остров-обсерваторию, созданную исключительно для наблюдения за объектом N-13, о котором вы узнаете в своё время. Телескопы на этой станции устроены таким образом, что ни высота, ни погодные условия почти не влияют на их точность. Ну не хмурьтесь так, Ари! Могу вас успокоить: государство, кажется, давно уже позабыло про нашу станцию. Слишком много проблем: финансовые кризисы, мар-

ши протестующих, всемирные заговоры – на Земле слишком много внутренних проблем, и властям нет дела до объекта N-13, находящегося далеко в глубинах космоса. Прежде целая команда учёных работала над расшифровкой сигнала от... А теперь маленькая горсточка энтузиастов поддерживает работу обсерватории и ждёт решения головоломки.

– Что это за объект N-13?

– Вам расскажут об этом на месте.

Она поднялась, опустила шест в илистое дно, задумчиво посмотрела на заросший мхом и папоротниками берег и сказала совсем другим голосом:

– И ещё. У меня к вам личная просьба: отнесите к моему отцу с пониманием. Он может показаться вам человеком одержимым, замкнутым, но этому есть объяснение. Вы слышали когда-нибудь про психологический эффект Зейгарник? Человек лучше запоминает дела, которые не доделал. Чем больше нереализованный потенциал, тем сильнее желание закончить начатое. Представьте себе, профессор Хансен полжизни изучает объект N и не может до конца разгадать его главную загадку, хотя у него есть всё: пылкий ум, невероятная эрудиция, опыт, связи...

– Тогда зачем ему я?

– Эйнштейн говорил, что для учёного главное – воображение. Отец считает, что недостаточно наделён им для решения данной проблемы...

Ари пожал плечами:

– Среди моих однокурсников немало людей с воображением куда более развитым, чем у меня...

– Бесспорно. Но воображение – лишь одно из необходимых нам условий...

«...Профессор внешне похож на рыболовный крючок, его привычка глядеть в пол, вечно бегающие по одежде пальцы. Глаза как у брошенного пса, надеющегося, однако, что его ещё кто-нибудь пригреет...», – писал после встречи с ним в своих заметках Ари...

Фроуд Хансен сидел в одиночестве за электрическим пианино и наугад нажимал пальцами на клавиши. Сторонний слушатель мог бы предположить, что музыкант забыл мелодию или сочиняет свою собственную, но импровизация профессора была лишена всякой стройности и смысла. Увлёкшись, он не сразу заметил, что в просторный зал со стеклянным куполом кто-то вошёл. Хансен медленно обернулся и произнёс, будто извиняясь:

– Всегда хотел научиться музыке, но никогда не хватало на это времени. А теперь времени полно, но нет учителей... Вижу, вы добрались в добром здравии! Рад видеть вас, номер двадцать пятый.

Рыжеволосый молодой человек удивлённо посмотрел на Эриду, она что-то прошептала ему про анкеты, и он, кашлянув, заметил:

– Предпочитаю, чтобы меня называли по имени, профессор.

Фроуд Хансен поднялся.

– Вот-вот, я тоже не люблю обращения «профессор», Ари. Всем нам свойственно носить свои имена. Но перейдём сразу к сути. Объект N-13 имеет более приятное для человеческого слуха имя. Мы между собой называем его Лирой – это единственная планета, которая за долгие годы попыток человечества связаться с другой цивилизацией в космосе ответила нам некими «разумными» сигналами. Названа она так в честь одной австралийской птицы с пёстрыми дугообразными перьями на хвосте, известной своей способностью запоминать и имитировать самые разнообразные звуки. Лира тянет за собой пятёрку спутников, и в телескоп они выглядят как самый настоящий хвост. Кроме того, звуки, издаваемые планетой...

Фроуд здорово разволновался, его голос задрожал:

– У нас произошёл раскол. Финансирование исследований сократили. Часть команды решила, что планета всего лишь имитирует и искажает сигналы с Земли. Меня и ещё несколько человек это не удовлетворило. К тому времени, как мы привели доказательства того, что планета издаёт собственные звуки, кто-то из членов нашего коллектива умер от старости, кто-то просто не пожелал вернуться на остров посреди болота. Остались самые терпеливые, но даже нам... Ах, Ари, если бы вы знали, какое это мучение – найти новую

цивилизацию, но не иметь возможности прочесть послание от неё, видеть в телескоп другую планету и не быть в состоянии хотя бы вообразить, как она выглядит. Представьте себе Колумба, который доплыл до Америки и не решился ступить на берег, а только слышит издали истошные вопли аборигенов... Вы можете ощутить, какая это мука – сходить на берег в новой неизведанной стране и не понимать, о чём говорят люди вокруг...

– Могу и ощущал... – признался Ари, прямо взглянув на профессора.

Хансен внимательно взгляделся в лицо молодого человека и на мгновение замолчал.

– Ах да... Я и забыл, что вы всё своё детство путешествовали. Сколько языков вы знаете?

– Около двенадцати, – ответил Ари не моргнув. – Конечно большинство из них как разговорные. Это было необходимо, когда в портах...

– Вас научил отец? Когда вы успели?

– В море по вечерам нечего делать.

– Ясно-ясно...

Профессор задумчиво закивал.

– Хотите знать, почему выбрали вас?

Ари осторожно взглянул на девушку, которая молча, как тень, стояла в стороне, и ответил:

– Хочу. С того самого момента, как получил письмо.

Вместо ответа Фруд Хансен провёл пальцем по клави-

шам пианино.

– Учились музыке?

Молодой человек кивнул.

– Может быть, научите меня? Но это после, после... Сначала разберёмся с планетой.

Он отошёл к стеклянному столу, заваленному бумагами, и нервным жестом подозвал гостя.

Ари приблизился и сразу узнал копии некоторых своих рисунков, а также статьи по культурологии, которые он писал около двух лет назад.

– Вы также неплохо рисуете... – сказал профессор.

– Любой студент академии свободных искусств осваивает четыре главных направления: художественное, литературное, музыкальное, хореографическое...

– Да-да, знаю. Но с вами вечно что-то было не так. Как вы учились?

– Средне...

– Странно, что вы использовали это слово. Ведь «средним» вас упорно пытались сделать преподаватели. Что ни картина – неловкий эксперимент. Сочинение гимна – странная импровизация. Чем чаще от вас требовали исполнения классических правил в искусстве, тем реже вам удавалось выполнить задание правильно. «Правило» и «оригинальность» так редко ходят рука об руку, не правда ли?

– Зато «вычурность» и «претенциозность» очень просто спутать с «оригинальностью», – сказал Ари. – И я честно

не знаю, что мной руководило: желание открыть новую планету или обычная гордыня.

– Мы надеемся, что первое, – произнесла молчавшая до этого Эрида, плавной походкой приближаясь к столу. – Умение увидеть то, чего не видят остальные.

Она взглянула на отца и продолжила:

– Надеемся. Потому что без надежды всё наше дело уже давно погибло бы.

Молодой человек неловко кашлянул:

– Не обижайтесь. Но для учёных всё это звучит слишком уж поэтично. Никогда не поверю, что моя так называемая «оригинальность» единственная причина, по которой меня выбрали.

– Не единственная, – ответил профессор, усаживаясь в кресло и загибая пальцы, – их пять. *Primus* – ваш опыт путешествий и знание языков. *Secundus* – владение основными навыками свободных искусств. *Tetras* – развитое воображение и оригинальность мышления (не «так называемая», а самая настоящая). *Quartus* – статьи, в которых вы рассказываете о том, как географический ландшафт влияет на звучание языков разных народов. Признаюсь, вы не первый, кто высказал подобную мысль, но ваши зарисовки воистину впечатляют. Вы действительно только по пейзажу можете воспроизвести напевность и интонацию языка, на котором говорит неизвестная народность?

– Действительно.

– А в обратном порядке?

– В смысле?..

– Могли бы вы понять язык, передать чувства, вложенные в речь, только по её звучанию?

– Возможно.

– Вы правда не посещали тех стран, о которых делали зарисовки, основываясь на звуках чужой речи?

– Правда. Я не смогу точно объяснить, но побывав во многих точках земного шара и узнав разные языки, начинаешь по одной только речи незнакомого человека представлять, как выглядит его страна. А потом оказывается, что зарисовки совпадают с фотографиями реальных мест.

– Понимаю-понимаю. Или только думаю, что понимаю. В любом случае попробовать стоит. Пройдёмте!

– Професс... Фроуд, вы не назвали пятую причину.

Хенсен шлёпнул себя по лбу.

– Ах да! Quintus – ваша фамилия: Андресен. Как у моего любимого писателя-сказочника. На мой взгляд, все его истории очень оригинальны. Простое совпадение, и всё же...

...Ари сел за круглый металлический столик на балконе и с грустью посмотрел на заросший дикими лианами берег. Остров-обсерватория двигался по воде – медленно, почти незаметно для глаз. Молодой человек достал блокнот и закрипел ручкой:

«Это путешествие оказалось самым нудным в моей жиз-

ни. Более скучного места я ещё не встречал. Ума не приложу, как здешние учёные до сих пор не свихнулись. Не могу поверить, что с начала моего пребывания тут прошёл всего лишь месяц.

Профессор сам не понимает, чего от меня хочет. Они давали мне слушать «голос» планеты. Всю первую неделю я пытался найти хоть какую-то логику в вариациях тысяч интонаций и звуков. Щелчки, удары, жужжание, скрежет, свист, что-то напоминающее детский фальцет, рычание и прочее, прочее... Язык разрозненный, терзающий человеческий слух. Я сказал Эриде, что схожу с ума. Она посоветовала сократить время прослушивания. У них тут ходит такая астрономическая шутка, мол, если переглядишь в телескоп, то можешь найти там кучу новых цивилизаций. Так и у меня с «голосом» планеты.

Странные они люди: живут одержимые единственной идеей разгадать загадку Лиры. Вроде и учёные, а как дети малые. Мечтатели.

Я же пуст, нет больше ни идей, ни воображения. Простите меня, болотные жители. Моя голова заполнена илом, а глаза покрыты тиной. Я здесь только из-за одной...»

– Зачем вы меня звали? – Эрида в белой летней тунике, перехваченных лентами на запястьях и голенях, появилась на тропинке. Грозовое облако на голове двигалось следом. В миндалевидных глазах сверкнула молния. – Что-нибудь

важное?

Ари рассеянно поглядел на хозяйку звёзд и лягушек.

– Я же просила не...

– Ну что у вас могут быть за срочные дела на этих болотах? – ухмыльнулся молодой человек. – Пройдитесь со мной. А то я умру со скуки.

От воды потянуло прохладой. Она неохотно кивнула – вдруг разговоры натолкнут его на разгадку.

Эрида первая нарушила молчание.

– Как ваши успехи? Сигналы с планеты напоминают вам хотя бы один из земных языков?

– Нет. Слушайте, иногда лучше забыть о проблеме, и тогда придёт её решение. Понимаете? Возможно, вся загвоздка в том, что вы здесь варитесь в одной кастрюле. Как в таких условиях может прийти оригинальная идея? Давайте не будем о планете. Прошу вас.

Девушка молча пожалала плечами. Они шли по тропинке небольшого сада, выращенного на территории острова. Истошно квакали лягушки. Ари был явно не в настроении сегодня.

– Скажите, как вы можете терпеть хор этих рептилий? Они орут всю ночь.

– Лягушки – это амфибии, Ари.

– Какая разница! Как будто от этого их приятнее слушать. Название вашей планеты, кстати, весьма неудачно. Лира, музыкальный инструмент, не издаёт таких противных звуков.

– Мы же договорились не говорить о планете.

Он засопел и кивнул. Они обогнули станцию с самым крупным телескопом «Голиаф». Краешком глаза Эрида заметила сутулую фигуру отца, стоящего на одном из балконов. Он посмотрел на них и ушёл в полумрак комнаты.

– Вы никогда не хотели уехать отсюда? – спросил Ари каким-то другим, потеплевшим голосом.

– Я же говорила вам, что для нашей семьи...

– Да-да. Но вы, разве вы не хотите завести свою семью, детей...

– С кем?

Она посмотрела на него. Он был чуть ниже её ростом и совсем на неё не похож: светлая кожа, рыжие брови.

– Со мной, например, – прямо взглянув на неё, ответил Ари.

Она не выдержала, улыбнулась.

– Судя по нашей с вами внешности, наши гены довольно далеко разошлись когда-то.

– Бросьте, я не знаю генетики, но слышал, что для потомства это хорошо.

Она открыто рассмеялась:

– А вы когда-нибудь видели фотографии детей, появляющихся от таких браков? Их внешность довольно-таки...

– Оригинальная? – он тоже повеселел немного. – Ну вы же цените оригинальность...

Они смущённо помолчали, стоя у перил.

Лягушки словно издевались. Как будто им болота мало и все они собрались вокруг острова.

– Признайтесь теперь, что вам не хочется их убить, – Ари скрестил на груди руки и отвернулся от воды.

Девушка мечтательно уставилась на зелёную бархатную воду:

– Для них это самая лучшая песня. Просто мы не понимаем её. Нужно привыкнуть к ним, покрутить в голове этикие настройки, как у радио...

Она повернула голову и совсем близко увидела круглые от удивления глаза Ари. Его брови, как две гусеницы, поползли вверх.

– Что вы сказали, Эрида? Про песню и радио...

Она открыла было рот, чтобы повторить, но увидела только его удаляющуюся спину.

Разбуженный скрипом двери, профессор поднял со спинки кресла голову и быстро потёр глаза:

– А, это вы... Я задремал.

– Мне пришла в голову мысль. Вернее, не мне...

– Тише, Ари. Голова раскалывается. Честно говоря, я как раз собирался сообщить вам, что наш договор... Средства урезаны... А вы вместо работы гуляете с моей дочерью...

– Фруд! Да послушайте меня! Вы засиделись, заспались на своём болоте. Эрида... Обсудим её в другой раз. Хотите о планете? Так вот – никакой это не язык. Склейте щелчки

с щелчками, скрежет со скрежетом, рёв с рёвом...

Профессор зевнул:

– Не впечатлили, Ари. Естественно, мы первым делом классифицировали звуки и затем соединили их. Есть записи.

Молодой человек чуть не схватил его за плечи:

– Что же вы молчали! Давайте послушаем!

Они прошли в аудиторию.

Профессор включил первую попавшуюся запись, где были совмещены свистящие звуки, и долго недоумённо глядел на молодого человека, который слушал их с закрытыми глазами, покачивая ногой.

– Вы говорили, у вас неважно с музыкой, да, Фроуд? – сказал Ари слишком громко, так как сидел в наушниках.

Хансен нахмурился. Молодой человек снял ракушки.

– А у вашей дочери как?

– Честно говоря, особенно не интересовался, – покраснел вдруг профессор. – Но на музыкальных инструментах она никогда не играла.

– Ну естественно. Ведь ваша семья всю жизнь занималась только астрономией.

Ари обнаглел настолько, что сказав это, улыбнулся во все свои тридцать два зуба.

– К чему вы клоните?

– Никакой это не язык. Вот к чему. Самая обыкновенная музыка. Просто... Несколько отличающаяся от нашей, земной. Вы поймали сигнал радио, Фроуд. Или что-то в этом

роде. Дайте мне послушать ещё пару записей, и я вам точно скажу, что это песни жителей планеты Лира, исполненные в разных стилях, которые они регулярно слушают у себя дома.

– Радио... – профессор побледнел. – Ари, неужели это значит, что вы не сможете разгадать, как выглядит планета?

Молодой человек улыбнулся:

– Спокойно, профессор! Представить себе пейзажи разных стран по музыке куда легче, чем по языку.

Фроуд кинулся к Ари и схватил его за плечи:

– Говорите, что вам для этого нужно!

– Время. Месяц или два.

– Мы подождём, нам не привыкать. Что ещё?

– Базу традиционных песен народов Земли. Музыкальную коллекцию планеты Лира со всеми соединёнными звуками. И холст, такой большой, какой сможете достать...

– С аудиотекой проблем не будет. А холст...

Профессор схватил Ари за руку и – кто бы мог подумать – побежал как мальчишка, увлекая молодого человека за собой.

Они пробегали через светлые залы и маленькие комнатки, заваленные книгами и наполненные неизвестными механизмами. Их ноги стучали по винтовой лестнице, перед глазами мелькали иллюминаторы. Наконец они вошли в огромный тёмный зал. Фроуд поднял рубильник, и яркие лампы осветили побелённые стены и мощные колонны, поддержи-

вающие высокий потолок.

– Это помещение предназначалось для местной библиотеки, но...

– Средства сократили. Ясное дело. Вы, астрономы, любите жить на широкую ногу.

– Вам достаточно такого пространства?

– Более чем, благодарю. Но ввиду того, что я не ожидал, что холст будет настолько большим, я попрошу, чтобы все, кто не слишком занят на станции и умеет красить стены, присоединились ко мне.

– И я мог бы...

– При всём уважении к вам, Фроуд, вынужден отказать. Вы слишком долго мечтали увидеть, какая она – планета Лира, пускай для вас это станет сюрпризом.

Двадцать девять дней спустя Эрида под руку привела профессора к заветной двери зала. Их встретил Ари, с осунувшимся лицом и тёмными кругами под глазами. Запах краски исходил от него даже несмотря на то, что он был переодет в свежую одежду.

– Вы готовы?

Что-то в его тоне заставило Хансена вздрогнуть. Профессор кивнул.

– По мере того, как мы будем продвигаться дальше, папа, – шепнула на ухо Эрида, – стены будут последовательно освещаться...

На первом участке стены возник пейзаж: кривые линии жёлто-зелёных холмов, в них, как лежище слонов, – разрозненные потрескавшиеся серые скалы. Широкая степь, усыпанная чёрными и белыми меховыми комочками...

Профессор присмотрелся – не может быть...

– Овцы? На планете Лира есть овцы?

– Нет, папа, – Эрида мягко улыбнулась, кинула взгляд на смущённого художника. – Это Монголия. Ари никогда не видел этой страны, просто слушал музыку и рисовал, для контроля. Вот фотографии для сравнения.

Следующие два пейзажа: Таиланд и Мексика; Хансен взглянул на подборку фотографий этих стран – изображение повторяло общие черты ландшафта. Он прошептал:

– Немыслимо. Антинаучно. Но работает.

Зажглись огни. Белое выюжное поле, из земли торчат прозрачные глыбы льда.

– Южный полюс или северный...

– Нет, Фроуд, – услышал профессор глухой голос Ари. – Это она, Лира.

Хансен ускорил шаг. Экраны зажигались на высоких стенах. Новые глыбы льда, бесконечные белые безжизненные равнины. Он остановился, не решаясь шагнуть к самой широкой стене. К горлу подкатил ком:

– Там сплошной лёд. Никакой жизни, так? Мы размечтались, забылись...

Ноги его сделались ватными. Руки дрожали.

– Неужели вы перестали надеяться, профессор, – услышал Хансен странный голос Ари за спиной, – сделайте ещё шаг.

И он сделал.

Гигантское полотно озарилось белым светом...

...Причудливые, как сабли, разноцветные башни из хрусталя поднимались в небо. Крыши домов, свернувшихся улитками, щерились многогранными зубьями, переливающимися от зеленоватого света. Профессор уже понял, что это не лёд, а растущие из-под земли кристаллы. Крохотные существа, похожие на шёлковые платки, скользили по земле. Их тела, покрытые полупрозрачной мембраной, светились как рассвет.

Эрида и Ари стояли не шелохнувшись.

Кто-то включил динамик, и по залу разнеслась какофония звуков. Ноги сами пошли быстрее. На стенах возникали всё новые образы планеты Лира.

Фроуд Хансен почувствовал, как глаза наполняются влагой, он глядел на далёкие земли и не замечал, как напевает одному ему понятный мотив...

Плато Ветров

«Они пытались похоронить нас, но они не знали, что мы – семена».

Мексиканская пословица

Сегодня горы снова хотели меня убить.

С самого утра они собирали жирные тучи у вершин, ждали, когда мой крохотный караван пройдёт по ущелью. Я схитрил: переждал непогоду под защитным куполом и в полдень, когда заблестело лиловое солнце Голема, двинулся в путь.

У подножия хребта Заики, где ледник лежит в форме пригревшейся змеи, я услышал странный гул, скрежет и чавканье. Такие звуки мог издавать только лёд, смешанный с камнями и грязью. Через пять минут прямо перед моим караваном прошла лавина. Сначала в гремучем потоке, скрученная в спираль, пронеслась мачта ветрогенератора. Затем, всего на миг, из ледяной крошки вынырнуло тело в разодранном скафандре. Я успел разглядеть неоновую метку туриста на разбитом шлеме.

Зло берёт, когда я вижу их трупы. Жалкие дилетанты! Зачем они лезут вверх?! Голем – не Земля с её Гималаями. Местные горы невозможно покорить. Этим вечным громадам наплевать на человека: они позволяют ему карабкаться

по своей треснувшей коже, а потом стряхивают, как надоевшую букашку.

К счастью, мой караван не пострадал. Ослы вовремя уловили опасную вибрацию и встали, как вкопанные. Именно поэтому я не использую роботов: ни один прибор не обладает тем чутьём, какое есть у животных.

Маски, которые я заранее надел на себя и на вьючный скот, тоже оказались кстати. Движущаяся масса льда и камней убивает мгновенно, но не многие знают, что следом в воздух поднимается ядовитое облако пыли, надышавшись которым, человек умирает мучительно и долго.

Уже второй год горы предупреждают, что я здесь чужой. Ну так что же? Сам знаю. Возьму у них кое-что и отправлюсь восвояси. Вчера мне повезло: в одной из шахт рухнул пол, под ним обнаружилась пещера. Куда ни плюнь – мерцающие зубья Лазурита. Редкая удача.

Горы делятся Лазурином, но не терпят шума взрывов. Они будут мстить мне просто потому, что я нарушил их покой.

По обходной тропе пришлось подниматься вдвое дольше. Маска мешала обзору, но снял я её только тогда, когда мы ушли подальше от лавины и пересекли хребет Заики. Оттуда открылся знакомый вид: среди ослепительных вершин острый пик Смелъчакá – самой высокой точки на планете. Смелъчак! Какое манящее название для сумасбродов вроде тех, на чьи останки я время от времени натываюсь!

Говорят, гору так называли в честь капитана из состава пер-

вой экспедиции на Голем. Мало ему было открыть планету, годную для жизни. Нужно было ещё первым «покорить вершину». Имя погибшего капитана в истории не сохранилось. Известно только, что Смелчаком его называли ещё до восхождения. Команда тоже таинственно исчезла. Возможно, они отправились вслед за ним. Красивая сказка для альпинистов, съезжающих сюда со всех концов галактики.

Одно «но»: Смелчак не просто высокая гора – это дремлющий вулкан, каких нет на Земле. По вечерам он белый, незаметный на фоне снежных вершин. Утром – нежно-розовый, как румянец на коже девушки, только не от рассветного солнца, а оттого, что его нутро накаливается изнутри. Природу этого феномена пытались объяснить многие, однако проверить на практике никто не решился.

Голограммки Смелчака идут за полцены в сувенирных лавках. Они довольно мило смотрятся в рубке корабля. Любой пассажир, узнав дешёвую фигурку одного из семи чудес галактики, обязательно ткнет пальцем и спросит: «О! Ты сам это видел?».

Люди как будто забыли, что истинное название самой высокой горы на Големе никак не связано с первой экспедицией и её капитаном. На языке тех, кто жил здесь задолго до землян, вершина именовалась «Шмелчакка», что дословно переводится как «ласковая смерть». После восхода температура пика повышается так быстро, что всё живое на его поверхности мгновенно превращается в пар.

К вечеру небо налилось свинцом, погода снова испортилась. Извилистая тропа терялась во мраке. Казалось, вот-вот и вступишь в пустоту. До дома оставалось километров пять. Ноги сами несли вперёд, но я себя сдерживал – торопливость может всё погубить. Пусть совершают ошибки глупые авантюристы, карабкающиеся по скалам. Настоящий мужчина не рискует делом ради острых ощущений: у него есть большая цель. Ценный груз, который достигнет сегодня плато Ветров, изменит не только мою жизнь, но и судьбу Великого Торгового Пути, а значит, и судьбы миллионов...

Впереди на тропе, у расколотого камня, что-то темнело. Пятно фонаря ещё не коснулось земли, а я уже понял, что передо мной лежит человек. Путник не шевелился. Казалось, что голова его не пропорциональна телу. Луч осветил грязный мотошлем, засверкала мокрая куртка.

Ветер принёс едкий запах жжёного пластика и резины. По скалам метнулись всполохи. Я приблизился к краю обрыва: в ущелье догорал аэроскутер. Обшивка смялась в гармошку, будто её дракон пожевал и выплюнул. Капли дождя с шипением ударялись о почерневшее лобовое стекло.

Я подошёл к распростёртому телу: незнакомец был одет как на прогулку. Ещё один болван отправился в горы налегке! Удивительно уже и то, что он забрался так высоко. По стеклу шлема тянулась паутинка трещин. В дыре размером с кулак показались бледная кожа, влажное веко, стра-

дальческая складка на переносице. Я вздрогнул. Прежде видеть трупы мне приходилось только издали. Их кукольные фигурки лежали на склонах, раскинув руки или свернувшись в позе эмбриона. Их лица были скрыты защитными масками, а иной раз горы ничего не оставляли от лиц.

А что если жив? Я надавил на панель в области затылка и осторожно снял с незнакомца шлем: восковое лицо, по которому бежали капли дождя, светилось мягким печальным светом. Даже пурпурный кровоподтёк на лбу не уродовал его. В тёмных волосах поблескивала седина. Приподнятые брови и оттопыренные уши делали облик детским, почти комичным. Странно, как во взрослом мужчине могут сочетаться черты мальчишки и старика.

Незнакомец казался моим ровесником. Сорок земных лет за спиной – досадно уйти из жизни в самом расцвете сил. Конечно, в нынешние времена внешность обманчива. Кто знает, использовал ли он Технологии Омоложения и носил ли украшения из Лазурита.

Мне стало любопытно, и я повернул его голову набок: уши не проколоты, медальонов на шее нет. Пальцы вдруг уловили слабый толчок под кожей, ещё один...

Я отшатнулся. Путник глядел на меня в упор. Лицо перекошено. Во взгляде горящих зелёных глаз немой крик. Так смотрит ребёнок, который едва удержался на ветке. Так смотрит его мать, застывшая под деревом. Так смотрит пилот, когда в полуметре от пассажирского лайнера промчался

астероид. Всякий, на кого дохнула смерть, вот так тарасит глаза.

Губы незнакомца беззвучно шевелились. Кажется, он повторял чьё-то имя, но шум дождя гасил шёпот.

– Не понимаю! – крикнул я.

Он бессильно уронил голову. Затылок с хлюпаньем опустился в грязь. Его правая рука беспорядочно задёргалась в воздухе и указала в темноту. Я осветил фонарём и увидел на тропе опрокинутый кейс размером с чемоданчик для ручной клади. Когда я поднял его и вернулся, незнакомец впал в беспамятство и почти не шевелился. Я пошёл назад, к каравану, проверить – в порядке ли животные. Ослы прядали ушами и беспокойно постукивали по земле копытами. Держать груз на склоне много часов подряд – нелёгкий труд.

Нужно было всё обдумать.

По правилам скалолазов Голема на исходе пути ты имеешь полное право оставить лежащего путника: иначе и сам не дойдёшь, и ему не поможешь. В конце концов, он по собственной воле потащился в горы. Ещё местные говорят: не бери в свой дом того, с кем случилось несчастье, – беда войдёт к тебе и станет хозяйкой в твоих покоях.

Нужен ли мне лишний пассажир? И не рискую ли я из-за него потерять ценный товар? Да и смогу ли транспортировать человека без сознания до плато Ветров? Допустим, если взвалить на спину пару мешков с Лазуритом, можно разгрузить одного осла. Подниматься в гору с тяжестью для меня

дело привычное, а у незнакомца появится шанс выжить.

План выполнимый. Но зачем мне все эти хлопоты?

Я прислушался к внутреннему голосу, который никогда не подводил меня в торговых и житейских делах. Он подсказал: этот человек не случайно возник на твоём пути.

Когда я поднял его, незнакомец застонал, но так и не открыл глаза. Только теперь я заметил, что в левой руке он держит что-то длинное и блестящее. Пальцы разжались, и о землю стукнулась трость. Так-так, мой пассажир инвалид или модник, судя по изящному узору, вырезанному на прозрачной рукояти. Но вот что странно: неужели он держал её в руке, когда управлял аэроскутером? Трость покатила по тропе и застряла между камней. Когда караван снова двинулся в гору, я подхватил её и положил у ног незнакомца. Наверное, эта вещь для него ценна, раз он вцепился в неё, глядя в лицо смерти.

Из секретной рассылки:

«Здравствуй, Ника. Я уже на Големе. Прости, что не успел предупредить тебя о своём прибытии. Бортовой компьютер на корабле снова дурил на подлёте. Мне пришлось прибегнуть к крайним мерам и перезагрузить его. В итоге балбес стёр все контактные данные, включая твои адреса. Это издевательство: он умеет готовить тысячу коктейлей, обучает всем возможным языкам, генерирует плоские шутки, но не выполняет как следует базовые зада-

чи. Я так расстроился, что чуть не отправил своего «Уникума 7» на переработку. Ещё большие я злюсь на себя – хорош учёный, который не смог запомнить контакты своей...

Ничего, отыщу тебя как-нибудь сам.

Я знаю, что не должен был появляться на Големе. Но случилось нечто из ряда вон. Мои исследования наконец завершены. До сих пор не могу поверить, что у меня получилось! Да, это эгоистично – использовать науку в личных целях. Но сколько учёных, желающих всеобщего блага, в итоге не смогли осчастливить даже одного-единственного близкого человека!

И не спорь со мной! Моё открытие изначально предназначалось для нас двоих. Долгожданному счастью быть! Ради этого нам не придётся строить храм на крови. Мы больше не будем прятать глаза от родных. И надежда, такая хрупкая, не лопнет как мыльный пузырь в день, когда тебя или меня не станет. Только представь: больше не нужно просыпаться по ночам и дрожать из боязни, что костлявая заберёт кого-то из нас раньше времени. Я с ума сойду, если вдруг останусь один. Ты – топливо для моего сердца. Без тебя я сгину.

Конечно, я слюкавил насчёт честной игры. Обмануть всё равно придётся. Но одураченными окажутся не живые люди, а природа с её жестокими законами и, главное, – её Величество Смерть.

Кстати о Ней. Вчера вечером мы снова встретились.

Ты знаешь, Она уже много раз назначала мне свидания – но на этот раз мы чуть не обвенчались.

В столице я арендовал аэроскутер. Попробовал нанять провозжатога, но из-за непогоды ни один инструктор не пожелал ехать со мной в горы. Мне не терпелось поскорее увидеть тебя – и я решил воспользоваться навигатором. Идея глупая. Прибор давал сбои. Шёл дождь, я заблудился. Затем мне стало нечем дышать, в глазах потемнело. Думал, это обычная слабость – сейчас пройдёт. Начал притормаживать, и в этот самый момент аэроскутер занесло на повороте.

Не переживай, пожалуйста! Я не сломал ни одной кости. Только на голове бо́льшая шишка. Прежде чем мотор загорелся, я успел спасти самое ценное: результаты моих исследований, твой памятный подарок и свою шкуру.

Что случилось после – не помню. Наверное, я вскарабкался на тропу и отключился. Тут бы мне и конец, но на счастье какой-то добрый самарянин проезжал мимо. Можно, я так и буду его называть – Самарянин? Потому что имени его я ещё не успел узнать. Это очень молчаливый и загадочный человек. Он топит печь дровами, и у него есть ослики со Старой Земли. Представляешь? Впрочем, мне это нравится. Он сказал, что я очнулся, когда мы входили в горное поселение, а потом проспал ещё сутки. Всё это время он заботился обо мне.

Так как у меня нет твоих контактов, это письмо я от-

правляю на раздаточный модуль, снимком со своего браслета. Центральный компьютер отыщет тебя по ключевым описаниям и пришлёт мою весточку сразу, как только ты войдёшь к себе домой. Пароль тот же.

Я ещё слаб и лежу в постели, но мне уже лучше. Возможно, мне удастся отыскать тебя раньше, чем ты получишь это письмо. Пожалуйста, будь осторожна! Когда до счастья рукой подать, вселенная любит посылать жестокие испытания.

Отныне терпение – наше главное оружие, а время – лучший друг. Почему? Объясню при встрече.

P.S. На закуску кое-что смешное. Очнулся я после аварии и чувствую, что-то щекочет нос, а мне и не пошевелиться: весь связан верёвками. Поднимаю голову и вижу перед собой длинные мохнатые уши. Представь себе: меня погрузили на ослика и так довели до поселения. Похоже, я обнимал его довольно долго. Как ты теперь со мной будешь?

Твой Чи».

За окнами вьюга. На то оно и плато Ветров. В такие дни в горах скучно. Груз я довёз в целости, теперь нужно решить, как с ним быть. Незнакомец выжил и сейчас в сознании.

Медицинская капсула диагностировала сотрясение мозга и симптомы горной болезни у моего гостя. Я увеличил концентрацию кислорода в помещении и обеспечил больному покой.

Он проснулся и первым делом попросил ручку и чистый лист. Всё-таки он чудной. Благо, в моей большой коллекции раритетов остались чернила и бумага.

Окончив письмо, он сфотографировал исписанный лист на свой браслет и отправил куда-то. С тех пор улыбка почти не сходит с его лица.

– И часто вы пишете от руки? – поинтересовался я.

– Часто.

– Довольно архаичный навык. Мне он ещё ни разу не пригодился.

– Вы со Старушки? – неожиданно спросил он.

– Да, я там родился, – ответил я, невольно поморщившись: не люблю, когда Старую Землю так называют.

– Я сразу догадался. Во-первых, весь этот антиквариат в вашем доме. Во-вторых, акцент землянина, в-третьих, только там остались школы, где учат писать от руки.

– Вы ошибаетесь. В школах на Земле давно этому не учат. Я начал писать от руки во взрослом возрасте. Думал, это поможет мне разобраться с древними книгами, которыми я раньше торговал.

– А теперь, значит, Лазурит? – его взгляд задержался на флюоресцирующем кристалле в медальоне, который висел у меня на шее. Мне не хотелось ему отвечать. Он подождал и добавил:

– Крупный экземпляр. Наверное, вы продали корабль, жену и собаку, чтобы купить его. А потом сбежали в горы, опа-

саясь, как бы он не достался кому-нибудь.

Он добродушно рассмеялся. Но я не улыбнулся, потому что примерно так сначала и было. Правда, продать жену я никогда бы не посмел, а собаку всегда считал бесполезным животным.

– Ваше имя Омар Абу? – спросил гость, и я вздрогнул, когда моё имя произнёс чужой голос. – Я только что прочитал на коробке в углу: «Омар Абу – поставка первоклассного Лазурита».

– Вы наблюдательный человек, – сказал я, глядя прямо в его зелёные глаза. – И любопытный.

Мой гость смутился.

– Я должен был представиться первым. Всё-таки вы мне жизнь спасли. Родители назвали меня Чинако Йонг. В те времена была мода на имена с Венеры. Друзья зовут меня просто Чи.

– Мы с вами едва знакомы, – сухо заметил я, – рановато для дружбы. Что, по сути, я о вас знаю? Только то, что вы плохо водите скутер, пишете чернилами и у вас туманное прошлое.

– Тем не менее вы не побоялись впустить меня в свой дом, – усмехнулся Йонг. – Водитель из меня и правда неважный. Что касается моей каллиграфии, то это легко объяснить. Женщинам нравится читать послания, написанные от руки. И мне, признаться, тоже. Когда ты в долгой разлуке с любимой – её почерк словно прикосновение.

Я слегка опешил от такого лирического тона.

– Прошу прощения, – сказал он, заметив, как я скривил рот. – Мужчины редко говорят о делах сердечных. Но в последнее время я ни о чём другом не могу думать. Мы с ней не виделись уже полгода. И я безумно скучаю.

Странно: его слова не отдавали слащавой романтикой, и я заслушался. Наверное, всё дело в метели, что бушевала за окном. В такие дни на вершине, вдали от мира, особенно одиноко.

– Омар.

– Да?

– У вас есть женщина, которую вы любите?

Я поёрзал в кресле.

– Думаю, есть.

– Думаете? Как странно вы ответили... И кто она?

– Моя жена, понятное дело.

– Понятное дело, – передразнил меня Йонг, понизив голос. – Вы, ребята со Старой Земли, вознесли брак в абсолют. После Чёрной Пандемии вся политика государства строится на идее семейной ячейки. Компьютер по анализу ДНК заранее выбирает из базы будущего партнёра, который идеально подходит к твоему складу, а вернее – с ним точно получится оставить потомство. Вы вцепляетесь друг другу в глотки, пытаетесь соблюдать ПКС¹ и страдаете до конца дней. Зато после эпохи всемирного бесплодия на Земле наконец-то

¹ Правила Крепкой Семьи

улучшилась демография!

Он поднялся на кровати и почти крикнул:

– Но ведь раньше люди как-то обходились без Рапределителя!

Его голос отразился от стен и зазвенел в воздухе.

– Вам лучше прилечь, не то станет худо, – остудил я его пыл и добавил с горечью:

– Вы прекрасно знаете, что Распределитель – вынужденная мера. После освоения новых планет началось черт-те что: беспорядочные связи, болезни, внебрачные дети, которые никому не нужны. Жизнь ребёнка ничего не значила. Семья как институт чуть не исчезла. И не удивительно, когда развелось такое количество авантюристов, перелетающих с планеты на планету! Вы видите только минусы в политике консервативной Земли, но есть и плюсы: количество разводов на планете за последние двадцать лет уменьшилось втрое, случаи супружеской измены единичны. Разве крепкая семья – это плохо?

Йонг посмотрел куда-то сквозь меня своим странным горящим взглядом и сказал:

– Мне сложно об этом судить. Ещё раз простите, Омар. Я порю горячку и чуть вас не обидел. Конечно... С чего я взял, что вы такой же, как все земляне? Есть случаи, когда семьи живут счастливо и верят в выбор Распределителя. Уверен, вы любите свою жену и... – он запнулся. – Кстати, а где ваша хозяйка?

– У неё в столице много работы. Я снял для неё жильё, чтобы ей не приходилось каждый раз подниматься в горы.

– Значит, вы тоже в разлуке... Интересно было бы посмотреть, кого Распределитель напроочил вам в спутницы. Скажите, у вас есть фотография вашей супруги или голограмма?

– Нет, – улыбнулся я, – нам это ни к чему.

– Разве ПКС не обязывают вас иметь дома совместные изображения?

– ПКС ни к чему не обязывают. Это просто список полезных советов.

Йонг молча кивнул. Он выглядел бледным и усталым.

– Омар, вы не могли бы растопить камин жарче? Меня всё ещё знобит.

– Конечно.

– Я должен немного поспать.

– Отдыхайте. У меня тоже есть дела.

Когда он уснул, я пошёл в ангар, чтобы взвесить и оценить общую стоимость собранного в пещере Лазурита. Это заняло несколько часов. На обратном пути ветер содрал с моей головы шапку и унёс куда-то в белую мглу. Но я не придал этому значения. Минуту назад я осознал, каким колоссальным богатством теперь обладаю. Даже одного каравана достаточно, чтобы сделать меня монополистом по продаже этого кристалла. А сколько ещё осталось в пещере!

Мне хотелось с кем-нибудь поделиться этой новостью.

Но мой гость, пожалуй, не годился для этой роли – я всё ещё ничего о нём не знал. То, что он влюблён, как мальчишка, никак не меняло дело.

Войдя в дом, я обнаружил, что Йонг уже не спит. Более того, он поднялся с постели, оделся и с гримасой от боли пытался доковылять до кресла. Там, прислонённая к подлокотнику, стояла его трость.

– Глупо, – сказал я, – вам нужен покой.

– Движение жизнь, – мрачно пошутил он и схватился за гладкую рукоять трости. – Мне всё время нужно разрабатывать колено, иначе станет хуже.

– Медицинская капсула не показала, что у вас проблемы с ногой.

– Это потому, что она у вас не запрограммирована на врождённые заболевания. Нужно поменять настройки. Поверьте мне: я полдетства провёл в таких капсулах.

Он ещё побродил по комнате и уселся напротив камина. Его лицо будто оттаяло, и маска страдальца снова сменилась спокойной улыбкой.

– Только не жалейте меня. Я родился с плохим здоровьем и прожил достаточно долго, чтобы физическая боль стала нормальной частью моей жизни. Сорок лет назад колонии росли, как грибы, в разных уголках галактики. Считалось, что корабли уже могут перевозить беременных женщин. Это сейчас мы видим, на каких консервных банках летали наши предки, и ужасаемся... Все мои болезни от перелётов. Я –

дителя тех самых авантюристов, которых вы так ругали. Однако я никогда не был в обиде на родителей. Заметив, что я совсем плох, они осели на Эфире. Слышали что-нибудь об этом месте?

– Только о гиппусах, – ответил я, зевнув.

– Ну вот! Стоит упомянуть об Эфире, как все вспоминают гиппусов! Это действительно удивительные твари. Они бродят стадами по жёлтым холмам и поедают крокус, в котором полно нектара. В полдень они начинают выделять сладкие пузыри, из которых получается вкуснейшее вино. – Йонг облизнул губы и спросил: – Омар, метель за окном надолго?

– В лучшем случае до утра.

– Может, нам выпить?

– Я не держу дома ничего такого.

– Ах да, я забыл. ПКС советуют...

– ПКС ни при чём. В горах всегда нужно быть начеку. Между прочим, – я посмотрел на часы, – самое время обедать, и вам ещё придётся выпить лекарство, назначенное медкапсулой.

– Ну вот, – вздохнул эфирец. – Как в детство вернулся!

Я пошёл на открытую кухню и посмотрел, что осталось из запасов. Меню предполагалось растительное, но в большой консервной банке давно уже ждала своего часа ветчина. А вино бы сейчас не помешало! Самое время отметить удачный поход за Лазуритом. Жаль только, что я и правда не держу дома алкоголь.

Занятый приготовлением обеда, я поймал себя на мысли об Эфире. Возможно, когда дел будет поменьше, мы слетаем туда с женой, попробуем местное вино.

Я потрянул головой. Похоже, праздное настроение гостя начало передаваться и мне. Не нужно расслабляться – впереди ещё полно трудностей. Недостаточно привезти кристаллы в безопасное место. Требуется обработать их, вставить в оправу. Необходимо также отыскать старых знакомых в корпорации Торгового Пути.

Йонг что-то сказал.

– А?

– Я спросил, Омар: а каким было ваше детство?

– Ничего особенного, – пробормотал я, – оно прошло на космических доках и торговых складах. У моего отца был собственный бизнес, и он всюду брал меня с собой. Учил ремеслу. Не было ни крокусов, ни гиппусов, ни мыльных пузырей.

– Наверное, тяжело жить с такими воспоминаниями, – вздохнул Йонг. – Когда на душе скверно, я закрываю глаза и возвращаюсь на родную планету: бескрайние луга, синее небо, а в нём лёгкой дымкой висит астероидное кольцо... В детстве я почти не мог ходить, поэтому мне приходилось подолгу наблюдать за природой, слушать её голос.

– И что вы слышали?

– То, что каждое живое существо уникально и страдает от одиночества. То, что я смертен и отсчёт уже пошёл.

– Не густо.

Я поставил перед ним обед. Он начал есть с большим аппетитом.

– Знаете, странно: чем больше я болел, тем сильнее мне хотелось жить, – рассказывал Йонг, жуя артишок. – Мне повезло с планетой: Эфир помимо гиппусов славен своей медициной. К десяти годам врачи поставили меня на ноги, правда, хромать я так и не перестал. Вы всегда знали, кем будете, когда вырастете, Омар?

Я кивнул:

– Пожалуй.

– Вы счастливчик. Я долго не мог принять решение, пока мой спаниель по кличке Джи не попал под автоматические ворота. Бедняга повредил позвоночник, у него отнялись задние лапы. Я не спал ночами – думал, как ему помочь. Когда болеешь с самого детства, у тебя есть не только недостатки, но и преимущества. Например, ты прекрасно разбираешься в медицинских приборах, потому что их применяли на тебе. А ещё среди твоих друзей – лучшие врачи планеты. Представляете, я сам подобрал программу лечения Джи, и она подействовала! Мой барбос снова начал бегать.

В шестнадцать я с воодушевлением начал изучать врачебное дело в биомедикуме. Мне казалось, я смогу исцелить кого угодно! Эта иллюзия длилась недолго: у мамы нашли рак. Я забросил учёбу и всё своё время посвятил поиску лекарства. Почему-то я был уверен, что это будет так же просто,

как вылечить Джи. Подробный анализ статей меня ужаснул: почему мы умеем летать к другим планетам, но так и не научились лечить эту древнюю болезнь? Почему моя мать, эта сильная, открытая женщина, которая была для меня целой планетой, должна навсегда исчезнуть?

Йонг вперил в меня взгляд. И я почувствовал себя прозрачным, ломким куском льда.

– Именно тогда мысль о бессмертии крепко засела в моём мозгу. Почему я должен сидеть сложа руки и смотреть, как костлявая, вооружённая клинками, лазерами и бомбами, склоняется над беззащитной фигуркой родного мне существа, пуская ядовитую слюну? Отсечь ей жало! Вышвырнуть вон!

Мой гость наклонился вперёд и вцепился мне в предплечье на удивление сильными пальцами.

– Признайтесь, вас тоже давно волнует этот вопрос?

Он внимательно следил за мной, но я не дрогнул. Рано или поздно мы должны были заговорить о Технологиях Омоложения, Лазурите и бессмертии. Я высвободил руку и ответил сдержанно:

– Этот вопрос волнует не столько меня, сколько моих клиентов. Обидно знать, что есть десятки заселённых планет, и тратить половину жизни на перелёты. Одни вкладывают средства в разработку сверхмощных двигателей для кораблей, другие мечтают о сердце, которое никогда не перестанет биться...

– Омар, дружище, – Йонг бесцеремонно похлопал меня по плечу. – Давайте начистоту! Мы успели немного приглядеться друг к другу. Нужно быть идиотом, чтобы не понять: у вас есть большущий секрет, и он имеет какое-то отношение к бессмертию. Я тоже много лет храню тайну. Она мучает меня. Почему-то мне хочется открыть её именно вам. А вы, если захотите, можете рассказать, что так тяготит вас...

– Не сегодня, – отрезал я, поднимаясь. – У меня ещё много дел. Вам тоже пора отдохнуть и выпить лекарство.

Словно в подтверждение моих слов медицинская капсула подала звуковой сигнал из другой комнаты. Я сходил за бутылочкой с красной пенной жидкостью, поставил её на стол.

– Что это? – спросил гость, не глядя на лекарство.

– Коктейль Лазаря. Усиливает процессы регенерации, избавляет от тошноты и головокружения. Ещё он поможет вам быстрее адаптироваться к высоте.

Йонг почему-то расхохотался и сразу опустошил сосуд. Я помог ему подняться и добрести до постели.

Когда я подходил к двери, он окликнул меня:

– Скажите, Омар, вы верите тому, что я вам рассказываю? Я постарался кивнуть как можно убедительнее.

– А если я скажу, что создатель коктейля Лазаря некто Чинако Йонг?

– Это лекарство может приготовить любая медкапсула...

– Знаю, – он сладко зевнул. – Мой дипломный проект.

Я поднялся в свой кабинет, плотно закрыл дверь и разбудил компьютер. Тот узнал меня по голосу и сообщил, что готов к работе.

– База данных. Планета Эфир. Поищи сведения о человеке, которого зовут Чинако Йонг, – приказал я.

По стенам забегали цветные картинки. Биография, резюме, фотографии – всё это можно подделать.

– Достоверная информация. Студенты и выпускники биомедикума за последние тридцать лет. Чинако Йонг. Официальный архив.

Голограмма моего гостя в мантии выпускника, на колене едва заметна экзоскелетная скоба. Улыбающаяся девушка положила руки ему на плечи. Диплом врача первой категории. Отметки за экзамены. Научные статьи. Ладно, допустим...

– Информация о родителях.

Я выхватил из биографий только самое нужное. «Элиза Йонг, родилась на Венере... Причина смерти – острый лейкоз». «Куно Йонг, Новая Колумбия... погиб во время тренировочного полёта».

– Так-так. Проанализируй прессу. Имена те же.

«Круги жизни. Еженедельные новости»:

«Калека становится сиротой... Его отец не пережил горя. Как сообщил начальник порта, Куно мог сесть за штурвал, приняв таблетку-другую «Лунной пыли».

«Наш биомедикум»:

*«Поздравляем выпускников, получивших за свои старания
Золотую комету,*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.